

Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (81). С. 62–66.
Humanitarian Researches. 2022;1(81):62–66.
Научная статья
УДК 81'11

Тактики проявления вербальной агрессии в русском и китайском политическом дискурсе

Анна Михайловна Каликова¹, Юлия Евгеньевна Беспалова², Зулфия Капизовна Тастемирова³

^{1,2,3}Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

¹sircat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6110-1556>

²juliamyazina@yandex.ru³, <https://orcid.org/0000-0001-5909-3748>

³zulfiyatastemirova@mail.ru, <https://orcid.org/000-0002-5315-2337>

Аннотация. Вербальная агрессия в речи представителей определённой лингвокультуры априори проявляет большое разнообразие. Неоднородный характер её выражения приводит к множественности форм агрессивного проявления. Тактики выражения вербальной агрессии включают: угрозу, грубое требование, грубый отказ, враждебное замечание, порицание, насмешку, жалобу, клевету, сплетню, ссору. Рассматривая трактовки понятия речевой/словесной агрессии, авторы работы устанавливают политическую сферу его происхождения, которое впоследствии получила распространение на остальные области межличностного взаимодействия. В статье на примере публичных высказываний политических деятелей китайской и русской лингвокультур, взятых из онлайн-газет, анализируются способы реализации тактик вербальной агрессии в российском и китайском политическом дискурсе. В ходе исследования был произведен анализ содержательный и стилистической сторон речей ряда ключевых политиков двух государств – Ян Цзечи, Си Цзиньпина, В.В. Жириновского. Исследование позволяет не только дать сравнительную характеристику лексических и стилистических средств формирования вербальной агрессии, но и установить избираемые политиками тактики при проведении стратегии на понижение. В ходе производимого анализа исследователи устанавливают характерные для стиля рассматриваемых политиков маркеры избираемой ими стратегии на понижение: глаголы с деструктивной семантикой, грубая/нецензурная лексика, метафорические оскорбления.

Ключевые слова: вербальная агрессия, стратегия на понижение, зоо-семантическая метафора, тактика оскорбления, тактика угрозы, маркеры вербальной агрессии

Для цитирования: Каликова А.М., Беспалова Ю.Е., Тастемирова З.К. Тактики проявления вербальной агрессии в русском и китайском политическом дискурсе // Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (81). С. 62–66.

Original article

Tactics of verbal aggression manifestation in the Russian and Chinese political discourse

Anna M. Kalikova¹, Julia E. Bepalova², Zulfia K. Tastemirova³

^{1,2,3}Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

¹sircat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6110-1556>

²juliamyazina@yandex.ru³, <https://orcid.org/0000-0001-5909-3748>

³zulfiyatastemirova@mail.ru, <https://orcid.org/000-0002-5315-2337>

Abstract. Verbal aggression in the speech of representatives of a certain linguistic culture is essential to demonstrate great diversity. The variety of its expression generally leads to a plural number of forms of its manifestation. A number of tactics that demonstrate verbal aggression include threat, tough demanding, coarse refusal, hostile remarks, reprimand, mockery, complaint, slander, gossip, disagreement. Considering the interpretation of the concept of speech/verbal aggression, the authors of the work establish the political sphere of its origin, which subsequently spread to other areas of interpersonal interaction. Applying to the examples of public political manifestations in Russian and Chinese a number of ways to implement verbal aggression is analyzed. The present study is based on the speeches of key political leaders – Yang Jiechi, Xi Jinping, V.V. Zhirinovskiy. The analysis helps to single out the stylistic aspects of their speeches and to perform a comparative description of both lexical and stylistic means that are used to form verbal aggression. In the course of the study characteristic markers of verbal aggression are identified: verbs with destructive semantics, rude/obscene language, metaphorical insults.

Keywords: verbal aggression, strategy of abusement, zoo-semantic metaphor, tactics of insult, tactics of threatening, markers of verbal aggression

For citation: Kalikova A.M., Bepalova J.E., Tastemirova Z.K. Tactics of verbal aggression manifestation in the Russian and Chinese political discourse. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;1(81):62–66. (In Russ).

Вербальная агрессия как форма коммуникации в современном мире превратилась в устойчивый феномен, свойственный разным сферам жизнедеятельности всех без исключения культур [6, с. 36]. Ввиду отсутствия четкой терминологии в определении понятия «агрессия», термин вербальная агрессия на данный момент не обладает конкретными лингвистическими характеристиками и нуждается в конкретизации. Данный термин синонимичен ряду понятий таких, как «речевая агрессия», «коммуникативная агрессия», «словесная агрессия», «язык вражды», «язык насилия» [4, с. 46].

Рассматривая трактовки понятия «агрессия», можно установить ряд его значений, представленных в русскоязычных и англоязычных толковых словарях. Например, толковый словарь С.И. Ожегова даёт следующие определения данному понятию:

1. Незаконное с точки зрения международного права применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства.

2. *Перен.* открытая неприязнь, вызывающая враждебность [8].

Толковый словарь английского языка Dictionary.com в понятии aggression (рус. «агрессия») закладывает следующий смысл:

1. The action of a state in violating by force the rights of another state, particularly its territorial rights; an unprovoked offensive, attack, invasion, or the like;

2. Any offensive action, attack, or procedure; an inroad or encroachment;

3. The practice of making assaults or attacks; offensive action in general [10].

Как видно из определений толковых словарей, агрессия определяется в качестве незаконных действий государства, при которых осуществляются нарушения международных прав другого государства с использованием силы. Впоследствии определение агрессии приобретает личностный характер, выражаемый во враждебном или разрушительном поведении одного человека по отношению к другому лицу или другим лицам. Таким образом, в настоящее время данное понятие характеризует не только политику государства, но и поведение конкретного человека.

Под термином «вербальная агрессия» большинство исследователей понимают специфическую форму поведения, основным орудием которой служит язык. Исходя из трактовок представленных определений данный термин представляет собой, во-первых, грубое, оскорбительное обращение, во-вторых, словесное выражение негативных эмоций или намерений в неприемлемой форме.

В современной прикладной лингвистике политический дискурс понимается как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [1, с. 17]. Политический дискурс состоит, с одной стороны, из набора тем, которые становятся предметом обсуждения, а с другой стороны, из общепринятых лингвистических способов обсуждения этих тем (дискурсивные практики) [1, с. 18]. Политический дискурс имеет свой подъязык, систему профессионально ориентированных знаков. Особенность языка политики заключается в том, что он существует в средствах массовой информации и, следовательно, лишен корпоративности, присущей любому специальному языку, поскольку политический язык нацелен на массового адресата [1, с. 19].

Речевое воздействие осуществляется посредством использования коммуникативных стратегий и тактик. Коммуникативная стратегия – совокупность мер по реализации коммуникативных намерений говорящего, при разработке которых учитываются условия, в которых протекает коммуникация. Реализация той или иной стратегии происходит за счет тактик, которые представляют собой конкретный этап реализации коммуникативной стратегии, для которой характерен определенный набор приемов, определяющий использование тех или иных языковых средств.

В политическом дискурсе, в котором имеет место столкновение противоположных мнений, интересов, используется целый спектр речевых стратегий. У исследователей нет единого подхода и строгой классификации тактик и стратегий.

В нашем исследовании мы придерживаемся классификации стратегий и соотносимых к ним тактик, применяемых в политическом дискурсе, предложенной О.Л. Михалевой. В данной классификации наиболее полно рассматриваются основные стратегии, которыми пользуются политики для построения речей и для достижения своих целей. Исследователь выделяет следующие коммуникативные стратегии:

1. *Стратегия театральности* применяется из расчета на зрелищность. Театральность политического дискурса связана с тем, что одной из сторон коммуникации является народ, выполняющий преимущественно роль не прямого адресата, а адресата-наблюдателя, который воспринимает политические события как некое разыгрываемое для него действие [9, с. 92].

2. *Стратегия на повышение* отражает стремление говорящего максимально увеличить значимость собственного статуса, представить себя в выгодном свете [5, с. 52].

3. *Стратегия на понижение* направлена на дискредитацию оппонента, которым является политический противник [5, с. 45].

Поскольку объектом нашего исследования является вербальная агрессия, то мы будем рассматривать стратегию, которая предстает как ведущая при проявлении речевой агрессии, а именно стратегию на понижение. Использование данной стратегии нацелено на то, чтобы подорвать доверие к оппоненту и понизить его значимость на политической арене. Основной целью данной стратегии является изменение представления о политическом оппоненте в глазах массового адресата, формирование негативного представления о нем и понижение его политического статуса [4, с. 47].

Стратегия на понижение активно используется как в российском, так и в китайском политическом дискурсе. Анализ фрагмента речи директора Центральной комиссии по иностранным делам Компартии Китая Ян Цзечи позволяет установить признаки вербальной агрессии во время дела переговоров с представителями США в Анкоридже, штат Аляска:

«**Американцы используют свою военную силу и финансовую гегемонию, чтобы осуществлять юрисдикцию длинной руки и подавлять другие страны. США злоупотребляют понятиями национальной безопасности, чтобы препятствовать нормальному торговому обмену и подстрекать некоторые страны к нападению на Китай. Сами Соединенные Штаты не являются выразителем международного общественного мнения, как и западный мир. Независимо от того, из чего исходить – из масштабов населения или мировых тенденций, западный мир не является выразителем глобального общественного мнения.**»

В данном отрывке Ян Цзечи имплицитно выражает свое негативное отношение к политике Соединенных Штатов Америки. Он пользуется *тактикой обвинений и тактикой обличения*, приписывая США вину за принятие на себя роли гегемона западного мира, выражающего антикитайские настроения и настраивающего европейские державы против КНР: «**煽动一些国家攻击中国**» (букв. «*подстрекать другие страны напасть на Китай*»), «**代表国际舆论**» (букв. «*выразитель общего мнения*»).

Негативная оценка высказывания прослеживается в употреблении стилистически-маркированной лексики, содержащей негативную коннотацию: «**滥用**» (злоупотреблять), «**阻碍**» (мешать, препятствовать), «**煽动**» (подстрекать, провоцировать), «**攻击**» (атаковать, нападать). Использование такой лексики создает аргументацию идеи Ян Цзечи о том, что США является государством-агрессором, инициирующим антикитайские настроения в западном мире. Повтор фраз «**美国不代表国际舆论**» (букв. «США не является выразителем международного мнения»), «**你们不能够代表国际**» (рус. «США не являются представителем всего мира») акцентирует внимание на объективности выражаемых опасений политика.

Анализ китайских политических статей позволил установить ряд стилистических средств, используемых китайскими политиками с целью убедительной пропаганды своего мнения. К числу коммуникативных средств убеждения относятся следующие:

1. Метафоры: «**十年内乱遗留下来的消极东西**» (рус. «*наследие десяти лет внутреннего хаоса*») – образное обозначение 10-летнего периода культурной революции, за время которого страна лишилась нескольких десятков миллионов человек. Данное высказывание выражает упрек лидера КНР Дэн Сяопина, высказанный в адрес партии КПК;

2. Фразеологизмы: «**老虎苍蝇一起打**» (рус. «*бить тигров и мух*») – лозунг антикоррупционной кампании Си Цзиньпина;

3. Идеологемы: «**把政权关进监狱**» (рус. «*посадить власть в клетку*»), «**打铁还需要自身硬**» (рус. «*прежде чем требовать, нужно самому исполнять*») – образные выражения с призывом о необходимости предотвратить ханжество чиновников.

Данные инструменты политического воздействия считаются наиболее действенными для убеждения и разъяснения выдвигаемых политических идей и курсов. Кроме образных средств выражения краткой формы (метафор, фразеологизмов), китайские лидеры также используют языковые сравнения синтаксических структур. Например, обращаясь с призывом к осуществлению реформ, Дэн Сяопин использует следующее сравнение: «**改革开放胆子要大一些敢于试验, 不能像小脚女人一样。看准了的, 就大胆地试, 大胆地闯。深圳的重要经验就是敢闯**» (рус. «*Политику реформ и открытости нужно проводить активнее, смело экспериментировать, нельзя становиться похожими на девушку с забинтованными ножками*»). Использованное сравнение – «**不能像小脚女人一样**» (рус. «*не уподобляясь девушке с забинтованными ногами*»), характеризует призыв к китайскому народу быть решительными и последовательными, следующими за четко выстроенным планом.

Проведенный анализ позволяет установить, что политический язык китайских руководителей характеризуется традиционностью и преемственностью культурных традиций в отношении использованных средств выражения субъективного состояния говорящего. Китайские политические лидеры активно применяют лексико-стилистические средства выразительности такие, как: пословицы, метафоры, идеологемы. Поскольку данные средства способствуют лексической наполненности и образности речи, они являются инструментами привлечения внимания китайского населения, а также способами разъяснения намеченных курсов и целей, приемами убеждения в правоте выбранного курса. На этом основании данные языковые средства могут считаться аналогами к формам проявления агрессии в речи русскоязычных политических лидеров. Используемые ими сравнительные обороты также подкрепляются внутренней наполненностью и новым содержанием, имеющим отношение к происходящей действительности.

Проанализируем речевые формы политических выступлениях русскоязычных лидеров, в содержании которых имеются ноты агрессии. Наиболее яркие примеры проявления вербальной агрессии наблюдаются в речи русского политика Владимира Вольфовича Жириновского. Этот публичный деятель считается первым либералом, который, выступая на публике, использует речевые средства и обороты бытовой разговорной речи. Например, давая характеристику других политиков, бессменный лидер ЛДПР, прибегает к использованию зоо-семантических метафор. Приведем примеры его метафорической характеристики следующих публичных лиц:

1. Об основательнице оппозиционной праволиберальной партии «Демократический союз»: *«Новодворская, Валерия Ильинична, такая здоровая, облик такой тёплой свиноматки, свинья такая, тихая, упитанная, значит...»*;
2. О депутате Ярославской областной думы – Б.Е. Немцове: *«Немцов такой злой поросёнок...»*;
3. О Г.А. Зюганове, председателе КПСС: *«Ну, Зюганов, такой боров, такой немножко старый, злой...»*;
4. О И.М. Хакамада, депутате Государственной думы трёх созывов: *«Вот... Хакамада – лиса, такая, всё ходит где-то, так сказать, всё...»*;
5. О М.Е. Фрадкове, директоре службы внешней разведки РФ: *«Фрадков – барсук, такой сидит чего-то хоп-хоп-хоп, чего-то там делает, ковыряется...»*;
6. О Б.В. Грызлове, председателе Высшего совета партии «Единая Россия»: *«Медведь – Грызлов, видите, медведь у них символ, такой, медленно всё делает, старается, но в принципе медведь самое тупое животное, об этом вы знаете, свинья умнее»* [9, с. 130].

Метафорический перенос на адресата названия животного является одним из средств формирования тактики оскорбления. Другими способами выражения оскорблений являются: 1. Непристойное сопоставление имени адресата с физическими предметами. 2. Обвинение адресата в нарушении социальных норм. 3. Использование сниженной лексики для выражения отрицательного отношения к адресату [3, с. 130]. В качестве примера можно процитировать слова рассматриваемого политика, содержащие экспрессивную оценку одной личности: *«Пошел вон из студии. Я тебе сказал: пошел вон, подонок!»* [7].

Угроза как обещание вреда или зла в ответ за неподчинение или непослушание является еще одной разновидностью тактики стратегии на понижение [9, с. 54]. Проявление угроз может быть открытым – с использованием различных средств выражения, и косвенным (закрытым) создаваемым за счет намеков или своевременного умолчания. К числу примеров открытого выражения угрозы можно также отнести слова В.В. Жириновского:

1. О внешних отношениях с Японией: *«И сдохнете все 120 миллионов, если еще потребуете Курилы от нас!...»*;
2. О ситуации с Грузией в 2008 г.: *«А не хотите, чтобы забыли слово Грузия в мире?<...> Вот подумает пускай Саакашвили об этом! А то цунами будет другое. В другой части Кавказа»*;
3. *«Любую часть планеты уничтожим в течение 15 минут. Ни одного взрыва, ни одного всплеска луча там какого-то лазерного, там молния, нет... тихо, спокойно. Целые континенты будут спать вечным сном»*;
4. *«От Латвии ничего не останется. Пустое место. Я вам обещаю!»* [2].

Кроме угроз, в речи В.В. Жириновского встречается тактика требования следующего характера: *«Преподаватель, возьми его отсюда и выкинь, чего ты стоишь, Олег? Выгони его отсюда, подлеца, и расстреляй его там, в коридоре!»* [9, с. 142]. По синтаксической структуре грубое требование напоминает повелительное предложение, которое выражает побуждение (цель высказывания) и звучит восклицательно (интонация).

Колкая насмешка (ирония) также является тактикой вербальной агрессии, присутствующей в речи политика. Содержание следующего высказывания в адрес Д.И. Рогозина иронично: *«И сегодня этот зажавшийся человек, посмотрите на его лицо – это бульдожье лицо, решил под видом политической голодовки, так сказать, попытаться спасти свое здоровье. У него из ушей уже прет та жирная пища, которую он сжирает. Ему жена готовит целое корыто каждый день. Два-три килограмма мяса съедает...»* [9, с. 141]. Обидная шутка, высказанная В.В. Жириновским в отношении Д.И. Рогозина, подвергает осмеянию стремление последнего в голодовке. Созданная ирония ставит под сомнение действия оппонента, что является основной целью используемой тактики агрессивного поведения.

Итак, рассмотренный политический деятель отличается экспрессивным выражением и фамильярностью в использовании русских глаголов и имен существительных для экспликации своего негативного отношения к политическим оппонентам, сложившимся ситуациям в мире и возможным проявлениям угроз от лица соперников. Его политические речи характеризуются неприличной эксплицитностью в выражении прямых форм агрессии, которые составлены из грубой/нецензурной лексики, глаголов заниженного стиля речи, метафорических оскорблений, слов и выражений осуждающей семантики.

Таким образом, сравнение форм проявления агрессии двух лингвокультур распадается на два типа ее проявления. «Гневная» форма проявления агрессии характерна для публичных выступлений русскоязычных политических деятелей. Используя вербальные средства выражения оскорблений, упреков, угроз, злобных требований, колких насмешек, русскоязычные спикеры оперируют вербальными средствами прямого воздействия на слушателей. Такие средства являются стимулами порождения гнева, приводящие реципиентов к активности определённого рода. «Инструментальная» форма агрессии свойственна для публичных выступлений китайских политических лидеров. Опираясь лексико-стилистическими средствами языковой выразительности – метафоры, фразеологизмы, идеологемы, сравнительные обороты – публичные деятели сдержанны при выражении своих целей и мыслей. Проявляемое ими хладнокровие не порождает

агрессивных реакций в слушателях, заставляя их задуматься об имплицитной составляющей высказанных мыслей.

Список источников

1. Алекберова И.Э., Тимакина О.А. Символика политического дискурса: семиотический подход // Вестник Российской международной академии туризма. 2017. № 3. С. 17–21.
2. Выборы 2012. Дебаты Жириновский и Прохоров. Эфир от 28.02.2012. URL: https://www.youtube.com/watch?v=upLXKzDtGkl&ab_channel=roonameless (дата обращения: 20.12.21).
3. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд., стереотипное. Москва : Ладомир, 2001. 349 с.
4. Закоян Л.М. Речевая агрессия как предмет лингвистических научных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. 2008. С. 46–52.
5. Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
6. Орлова Т.А. Деструктивные тактики общения в конфликтном англоязычном дискурсе // Коммуникация в современном поликультурном мире: массовая коммуникация и языковая личность. Москва, 2017. С. 35–41.
7. "Подлец! Скотина! Подлая грязная свинья!" – снова Жириновский в эфире "Россия 1". URL: <https://ava.md/2017/10/27/podlec-skotina-podlaya-gryaznaya-svin/> (дата обращения: 21.12.21).
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. Москва : Высшая школа, 1993. 944 с. URL: <https://slovarozhegova.ru>.
9. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. Москва : Гнозис, 2004. 325 с.
10. Dictionary.com – толковый онлайн-словарь. URL: <https://www.dictionary.com/>.
11. 《辛丑条约》签订 120 周年，中国在谈判桌上警告美国：我们不吃这套。 URL: <https://new.qq.com/omn/20210319/20210319A07BAJ00.html> (дата обращения: 14.10.21).

References

1. Alekberova I.E., Timakina O.A. Symbolism of political discourse: semiotic approach. Bulletin of the Russian International Academy of Tourism. 2017;(3):17–21.
2. Elections 2012. Debate between Zhirinovskiy and Prokhorov. Broadcast dated February 28, 2012. URL: https://www.youtube.com/watch?v=upLXKzDtGkl&ab_channel=roonameless (accessed: 12.20.21).
3. Zhelvis V.I. Battlefield. Profanity as a social problem in the languages and cultures of the world. 2nd ed., stereotypical. Moscow, Ladimir. 2001:349.
4. Zakoyan L.M. Speech aggression as a subject of linguistic research. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2008:46–52.
5. Mikhaleva O.L. Political discourse: The specificity of manipulative influence. Moscow, Book house "LIBROKOM". 2009:256.
6. Orlova T.A. Destructive tactics of communication in the conflict English discourse. Communication in the modern multicultural world: mass communication and linguistic personality. Moscow. 2017:35–41.
7. "Scoundrel! Beast! Vile dirty pig!" – again Zhirinovskiy on the air of "Russia 1". URL: <https://ava.md/2017/10/27/podlec-skotina-podlaya-gryaznaya-svin/> (accessed: 12.21.21).
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed. Moscow, Higher school. 1993:944. URL: <https://slovarozhegova.ru>.
9. Sheigal E.I. Semiotics of political discourse: monograph. Moscow, Gnosis. 2004:325.
10. Dictionary.com – explanatory online dictionary. URL: <https://www.dictionary.com/>.
11. "Xin Chou Treaty" on the 120th anniversary of the Chinese agreement: We will not accept this set of days. URL: <https://new.qq.com/omn/20210319/20210319A07BAJ00.html> (accessed: 10.14.21).

Информация об авторах

А.М. Каликова – ассистент кафедры английского языка для факультета социальных коммуникаций и юридического факультета;
Ю.Е. Беспалова – кандидат филологических наук, доцент;
З.К. Тастемирова – старший преподаватель кафедры английского языка для факультета социальных коммуникаций и юридического факультета.

Information about the authors

A.M. Kalikova – Assistant of the Department of English for the Faculty of Social Communications and the Faculty of Law;
J.E. Bepalova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor;
Z.K. Tastemirova – Senior Lecturer in the Department of English for the Faculty of Social Communications and the Faculty of Law.

Статья поступила в редакцию 13.01.2022; одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 24.02.2022.

The article was submitted 13.01.2022; approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 24.02.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.